

(«Слова на латинов»), несовместимость христианства с астрологией, писатель адресовал Федору Карпову — ведущему интеллектуалу при дворе Василия III. Исследователь подробно рассматривает предметы, которые обсуждались в полемических писаниях Максима Грека. Комплекс этих писаний, известных по нескольким ранним сборникам, стал включаться в собрания сочинений в последние десятилетия XVI века, чем и оправдано обращение к ним в рецензируемой монографии. С особой тщательностью анализируется Первое послание Карпову против астрологии. Выбор произведения объясняется не только его значимостью для творчества святогорца. Счастливая находка, касающаяся развития текста Послания, позволила ученому реконструировать взаимосвязь нескольких собраний сочинений. Выяснилось, что в собрании, представленном списком Slave 123, тетрадь с частью Первого послания была механически перемещена во Второе послание на ту же тему. Образовавшуюся в тексте лауну воспроизводят Синаodalное и Музейное собрания, а вслед за ними — типы, датирующиеся XVII веком. Стало быть, все типы с лакуной генетически связаны со Slave 123.

Памятникам, содержащим сведения о жизни Максима Грека, посвящена третья глава книги. Составители тех типов собраний его сочинений, что возникли в обсуждаемый период, решили поместить целый набор подобных текстов рядом с собственными произведениями святогорца. Сюда относятся написанные при жизни старца и обращенные к Ивану Грозному грамоты Александрийского патриарха Иоакима (1545) и Константинопольского патриарха Дионисия (1546). Оба просят отпустить невинно пострадавшего старца на Афон. Разреши-

тельная грамота Максиму Греку Константинопольского патриарха Иеремии (1588) несет печать другой эпохи, когда предпринимаются решительные шаги для реабилитации почившего. В те же примерно годы создано первое из обращавшихся в русской письменности Сказаний о Максиме Греке, которые повествуют о его судьбе и представляют своего героя в наиболее благоприятном свете. Первое Сказание включали в собрания сочинений тех самых типов, которые изучаются в книге Крутецкого. В приложениях к своему исследованию автор публикует, с различиями по всем спискам, два памятника — Первое послание Федору Карпову против астрологии и разрешительную грамоту патриарха Иеремии. Кроме того, по одному из древнейших списков издается старшее по времени Сказание о Максиме Греке.

Стоит отметить, что Крутецкий является учеником Н. В. Сеницыной (1936–2018), которая заложила основы текстологического изучения трудов Максима Грека и предложила классификацию кодексов с его сочинениями. Она была известна своей научной скрупулезностью, что в какой-то мере служит аттестацией работавшего под ее руководством специалиста. Как можно понять при ближайшем знакомстве с рецензируемой монографией, ее выход в свет отделен от времени ее написания довольно значительным промежутком времени. Да позволено будет, в связи с этим, упрекнуть автора книги, что он хотя бы в минимальной степени не обновил историографическую базу своей работы, включая последние работы Сеницыной, в которых она касается рассматриваемых Крутецким типов собраний и (что особенно важно) частично отказывается от прежних своих выводов.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-272-275

© А. С. Бодрова

ЛИТЕРАТУРА И СЦЕНАРИИ ВЛАСТИ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ И НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХ*

Объемный и представительный сборник статей Л. Н. Киселевой, вышедший в конце прошлого года в издательстве Тартуского университета и, по счастью, сразу же ставший доступным онлайн,¹ — настоящий подарок исследо-

* *Киселева Л. Н.* Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Tartu: University of Tartu Press, 2023. 875 с.

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00761, <https://www.rscf.ru/project/24-18-00761/>, ИРЛИ РАН.

¹ См.: https://ruslit.ut.ee/ljubov_kisselova_karamzinistid_arhaistid_trykki.pdf (дата обращения: 31.05.2024).

вателям литературной и общественной жизни Российской империи конца 1790-х — 1830-х годов. Работы Л. Н. Киселевой, признанного специалиста по истории культуры и идеологии начала XIX века, многолетней заведующей кафедрой русской литературы — кафедрой Ю. М. Лотмана — в Тарту, наставницы нескольких поколений филологов-славистов, давно входят в круг основополагающих исследований Александровской и Николаевской эпох. Без ссылок на разыскания Л. Н. Киселевой сложно представить описание творческой, социальной и идеологической позиции В. А. Жуковского, А. А. Шаховского, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки, И. А. Крылова, М. Н. Загоскина. Рецензи-

руемая книга, в которой собраны работы нескольких десятилетий, в том числе опубликованные в малотиражных и труднодоступных изданиях, тем ценнее, что объединяет под одной обложкой сюжеты, связанные с разными «героями» историко-литературных штудий исследовательницы, принадлежавшими к противоборствующим литературным лагерям и разным поколениям. Соположение таких, на первый взгляд, несходных фигур, как Жуковский и Шишков, Карамзин и Уваров, Шаховской и Пушкин, позволяет увидеть неожиданные сходства и линии преемственности, дает объемную, стереоскопическую картину эпохи, которая — несмотря на свой канонический статус «золотого века» — до сих пор не получила адекватного историко-литературного и институционального описания, соответствующего современному уровню накопленных фактических знаний. В книге Л. Н. Киселевой намечены, как кажется, ключевые проблемы и «узлы» этих «замечательных десятилетий» (1790–1830-е годы): построение романтической литературной биографии и ее отражение в фикциональных текстах и эгодокументах, столкновение романтического жизнестроительства и служебной карьеры писателей, взаимосвязь литературы, государственной идеологии и публичной сферы, роль литературы в оформлении имперских и национальных идеологических проектов, реценция европейской литературы и эстетики, роль театральных текстов и представлений в поле литературы и пространстве публичности, значение школьного обучения и школьного канона для функционирования литературных текстов и идеологического строительства.

Формально в сборнике выделено пять разделов: I. «Жуковский и его окружение»; II. «Сложные пути развития русского „архаизма“»; III. «Становление русской идеи: попытки создания национальной трагедии. Карамзинисты в роли идеологов»; IV. «Театр между литературой и идеологией»; V. «Педагогика как идеология», — однако между ними постоянно возникают переклички, и сюжеты, затронутые в одном разделе, органично продолжают развиваться в последующих, благодаря чему книга оказывается куда более цельной, чем может показаться из ее жанрового определения.

Так, ключевым персонажем всей книги оказывается Жуковский, наверное, самый задушевный и самый тартуский герой Л. Н. Киселевой, — ему посвящен не только объемный первый раздел, читающийся как самостоятельная монография о поэте, но и многие статьи в разделе III, сфокусированном на роли карамзинистов в создании и оформлении национальной идеологии (см., например, статью «„Орлеанская дева“ Жуковского как национальная трагедия», а также «Карамзинисты — творцы официальной идеологии (заметки о российском гимне)»), разделе IV «Театр между литературой и идеологией» (статья «Слово — музыка — идеология в русском театре 1830-х годов («Жизнь за царя»)), не говоря уже о за-

ключительном разделе, во многом посвященном педагогической деятельности Жуковского и его текстам, входившим в дореволюционный школьный канон. Еще один важный лейтмотив, или архисюжет книги — сюжет театральный, с которым связаны яркие статьи об И. А. Крылове (статья «Загадки драматургии Крылова» в разделе II), А. А. Шаховском — герое многих работ Л. Н. Киселевой, вошедших в книгу (см. статьи «Проблема включения второстепенных писателей в литературный канон (на примере А. А. Шаховского)», «Три „Рославлева“: продолжение истории русского „архаизма“» в разделе II, «„Смольяне в 1611 году“ А. А. Шаховского как попытка создания национальной трагедии» в разделе III, многие статьи из собственно театрального раздела IV), Н. В. Кукольник («К формированию концепта национального героя в русской культуре первой трети XIX в.» в разделе II, статья «Язык сцены и язык драмы в имперском идеологическом строительстве 1830-х гг.» в разделе IV), опере М. И. Глинки «Жизнь за царя» на либретто барона Е. Ф. Розена при участии Жуковского («Слово — музыка — идеология в русском театре 1830-х годов («Жизнь за царя»)).

Сквозная и центральная для книги тема обозначена в ее заглавии, отсылающем к названию сборника работ Ю. Н. Тынянова, и отражена в кратком предисловии «От автора»: «Общая тема книги <...> раскрывает основную идею: показать, как на протяжении полувека складывались судьбы двух литературных школ, таких различных в первом приближении, но имеющих немало точек пересечения» (с. 9–10). Архаисты-шишковисты, причем не только сам адмирал Шишков, но и его сторонники разных лет — Глинка, Е. И. Станевич, Шаховской, — интересуют Л. Н. Киселеву не меньше, чем карамзинисты Жуковский, П. А. Вяземский, С. С. Уваров. Реконструируя и описывая позицию участников знаменитой полемики «о старом и новом слог» на разных этапах этого литературного и идеологического противостояния (выступления Станевича и Глинки конца 1800-х годов, полемика между Шишковым и Д. В. Дашковым 1810–1811 годов, речь Н. М. Карамзина при избрании в Российскую Академию, возглавляемую Шишковым, в 1818 году), Л. Н. Киселева обращает внимание не только на «групповые», но и на индивидуальные воззрения, подчеркивает их специфику, как и динамичность полемики. При этом для исследовательницы принципиально важно продемонстрировать множественность точек сближения, схождения, общности между, на первый взгляд, непримиримыми оппонентами.

Так, в лаконичной статье «Начало русского „архаизма“» наглядно показаны впечатляющие совпадения между ранними литературными биографиями Шишкова и главного адресата его острой критики — Карамзина (с. 268–269): оба они в начале своего творческого пути переводят идилли С. Геснера, много и последовательно занимаются детской литературой,

оба в 1780-е годы испытывают влияние масонского круга, совершают в ранние годы европейские путешествия (Шишков, впрочем, путешествует раньше Карамзина (в 1771–1772 и 1776–1779 годах), по службе и, конечно, главным образом морем, но так же, как и Карамзин, фиксирует свои впечатления в литературной форме) и, наконец, оказываются государственными историографами (Шишков в 1799 году был назначен историографом российского флота). Однако даже более важным оказывается сходство их стиливых и прагматических установок — стремление к очищению языка, точности и ясности выражений (с. 269–273). Последующая полемика, акцентировавшая различия их языковых программ и литературных принципов, часто заслоняет в глазах исследователей сходство целей, которые преследовал как Карамзин, так и Шишков, — тем важнее работа, где эта общность продемонстрирована.

Существенные черты к портрету Шихкова прибавляет статья с красноречивым заглавием «Русский „архаист“ в Европе» (с. 277–296), посвященная его мемуарным очеркам-травелогам — «Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году» (1822) и «Записки адмирала А. С. Шихкова, веденные им во время путешествия его из Кронштадта в Константинополь» (1834). Эти сочинения Шихкова демонстрируют не только его явную симпатию и интерес к Европе и европейским достопримечательностям, но и владение сентиментальными и романтическими эмоциональными и литературными матрицами, заметными и в опубликованном тексте, и в ранней рукописной редакции «Записок...», которая представляет собой своего рода дневник (или роман) в письмах, местами напоминаящий еще не созданные к тому времени «Письма русского путешественника».

Та же двойственность, рассогласованность декларируемых убеждений, идеологической позиции и бытового поведения становятся предметом рефлексии в важной статье «Модель поведения „старших архаистов“: теория и практика» (с. 354–360), развивающей лотмановскую концепцию «бытового поведения». Опираясь на мемуарные свидетельства о бытовой стороне жизни «беседчиков» (прежде всего, того же Шихкова, в доме которого говорили по-французски, а племянников воспитывали иностранные гувернеры), Л. Н. Киселева констатирует очевидный разрыв между литературной, идеологической позицией архаистов и их бытовыми практиками: «В идеологической сфере (*ex cathedra*) они были патриотами, убежденными, что народ (крестьяне) являются хранителями национальной культуры. Они провозглашали фольклор сокровищницей национальной культуры <...>. Но в личной жизни они оставались дворянами и, как и их противники-карамзинисты, — „европейцами“» (с. 360). Этот разрыв выглядит парадоксальным, если исходить из романтического и актуального до сих пор представления о единстве личности («Жизнь и поэ-

зия — одно», по выражению другого героя этой книги), однако для поколения старших архаистов оно не было характерно, — поверять жизнь литературой последовательно станут их младшие современники.

Чрезвычайно любопытны статьи сборника, посвященные судьбе «шишковистов» разных поколений в 1820–1830-е годы, — прежде всего Шаховского и Загоскина, которые продолжали «развивать „архаистическую“ идеологическую программу, не совпадавшую с так называемой теорией „официальной народности“» (с. 391). Подчеркивая важность идеи национальной самобытности как центральной идеи Шихкова и его последователей, Л. Н. Киселева показывает — на примере Шаховского и в еще большей степени Загоскина, что «настойчивый „руссизм“ и антиевропеизм поздних архаистов восходит не к уваровской триаде, а к патриотической риторике эпохи 1812 года, и их борьба с романтизмом 1820–30-х гг. продолжает полемику с Карамзиным и чувствительностью периода „Бедной Лизы“» (с. 13). В качестве показательных иллюстраций здесь выступают не только и не столько наиболее известные романы Загоскина «Юрий Милославский» (1829) и «Рославлев» (1831; о нем, впрочем, идет речь в статье «Три „Рославлева“: продолжение истории русского „архаизма“»), сколько поздние и малоисследованные романы «Искуситель» (1838) и «Кузьма Петрович Мирошев. Русская быль времен Екатерины II» (1842).

Другая линия, не менее значимая для общей концепции книги, связана, напротив, с карамзинистским лагерем и ролью карамзинистов в национальном идеологическом строительстве 1830-х годов. Л. Н. Киселева последовательно описывает этот сюжет, продолжающий занимать как историков литературы, так и исследователей идеологических проектов в Российской империи XIX века: каким образом сторонники европеизма в культуре и политике 1810-х годов, карамзинисты и арзамасцы Уваров, Дашков, Блудов к середине 1830-х годов оказались создателями и проводниками николаевской «народности»?

В статьях, посвященных истории государственного гимна («Боже, царя храни» на слова Жуковского), становлению и трансформации сусанинского мифа вплоть до оперы Глинки, создававшейся при существенном участии все того же Жуковского, Л. Н. Киселева показывает важность карамзинского «субстрата» для самоопределения и текстов Жуковского 1830-х годов, значительную опору на литературную мифологию, сложившуюся вокруг Отечественной войны 1812 года, и таким образом демонстрирует укорененность николаевской «народности» в идеологических концепциях, сформировавшихся в предыдущее царствование. Этот сюжет книги снова возвращает нас к точкам сопряжения архаистов и карамзинистов: «Роли, вначале, казалось, четко распределенные между двумя литературными лагерями — антиевропейцами, „консерваторами“-архаистами и евро-

пейцами, либералами-карамзинистами — постепенно смещаются и совмещаются настолько, что рассуждения позднего П. А. Вяземского, оставшегося верным карамзинистом, можно принять за цитаты из Шишкова, а карамзинист Жуковский становится автором консервативно-государственного гимна» (с. 16).

Содержательная насыщенность, многообразие тем и сюжетов и одновременно внутренняя связь между разными частями сборника позволяет читать его как подряд (от заключительной части первого раздела, посвященного событиям «душевной биографии» Жуковского и его ближайшего окружения, сложно оторваться!), так и выбирая отдельные сквозные сюжеты и интересующих персонажей. Тем более что написана эта книга по-карамзински ясно и точно и по-шишковски риторически убедительно. Можно только посоветовать на то, что автор и редакторы не поместили — в завершение предисловия или в конце книги — полный список первых публикаций статей, отослав читателей к электронной персональной библиографии Л. Н. Киселевой.² Профессиональный читатель был бы благодарен, если бы ранние статьи были снабжены краткими библиографическими указаниями на наиболее значимые работы о тех же сюжетах, появившиеся в последние годы, поскольку многие темы, найденные и впервые разработанные Л. Н. Киселевой, продолжают привлекать внимание исследователей этого периода.

² См.: <https://ruslit.ut.ee/staff/lnk/list.php>; дата обращения: 31.05.2024.

Выход рецензируемого сборника — еще одно приглашение к академическому диалогу, к внимательному чтению и перечитыванию текстов эпохи Жуковского и Пушкина,³ к скрупулезному и вдумчивому изучению идеологических концептов Александровского и Николаевского царствования. Статьи Л. Н. Киселевой задают чрезвычайно высокую профессиональную и читательскую планку, демонстрируя исключительное внимание к текстам и ответственность в выборе исследовательской оптики, сообразной в первую очередь материалу. Чтение сборника — это одновременно учеба у профессионала высочайшего класса и «сверка понимания» — понимания того, как можно интерпретировать сложные, неканонические, часто вызывающие идеологическое несогласие тексты, — опыт, отчасти схожий с тем, который знаком и памятен участникам молодежных и «взрослых» тартуских конференций, слушавшим доклады, вопросы и комментарии Любови Николаевны. Совершенно справедливо эта книга Л. Н. Киселевой была отмечена литературной премией эстонского фонда «Капитал культуры» за 2023 год в номинации для пишущих на русском языке; хочется от души пожелать ей других наград и заслуженного внимания читателей.

³ Как удачно определил установку книги другой ее рецензент Т. Т. Гузаиров, это «отмена не-чтения» (см.: *Гузаиров Т.* Отмена не-чтения // *Вестник Тарту.* 2024. 6 марта (см.: <https://vestniktartu.ee/history/otmena-ne-chteniya/>; дата обращения: 31.05.2024)).

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-275-277

© Т. В. Мисникевич

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА*

Недавно вышедший труд А. Л. Соболева органично вписывается в череду его работ, посвященных недостаточно изученным или ранее не затронутым сюжетам литературной и культурной жизни XX века, а также ее отдельным участникам. Не случайно исследователь назвал один из сборников своих статей и публикаций «Летейская библиотека»: в нем представлены герои и события эпохи Серебряного века, преданные на долгие годы забвению преимущественно из идеологических соображений. Основываясь на кропотливом изучении

архивных материалов, Соболев не только дал им вторую жизнь, но и блестяще реконструировал многие ее детали.¹ Эта традиция сохранена и при подготовке рецензируемого издания. Вполне закономерен и его выход в серии «Библиотека „Литературного наследия“», возобновленной

* *Соболев А. Л.* Общество свободной эстетики (1906–1917) / Отв. ред. М. Л. Спивак. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 488 с., ил. (сер. «Библиотека „Литературного наследия“»; вып. 11).

¹ См.: *Соболев А. Л.* Летейская библиотека: В 2 т. М., 2013. Преемственным по отношению к данному сборнику является его же издание «Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века» (М., 2017), в котором рассмотрены отдельные эпизоды биографий И. Ф. Анненского, А. А. Ахматовой, В. Я. Брюсова, Н. А. Заболоцкого, Ф. Сологуба, Д. Хармса и других русских писателей первой половины XX века.

Дмитрий Михайлович Буланин

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Dmitrii Mikhailovich Bulanin

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinsij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5480-7964

dmitriibulanin@yandex.ru

**ОСВОЕНИЕ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТЬЮ НАСЛЕДИЯ
МАКСИМА ГРЕКА: СТАРШИЕ ОПЫТЫ****THE LEGACY OF MAXIM THE GREEK AS MASTERED
BY THE RUSSIAN WRITING: THE EARLIEST ATTEMPTS**

[Рец. на:] *Крутецкий В. Ю.* Преподобный Максим Грек в русской культуре последней четверти XVI в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 272 с.

[Review:] *Krutetskii V. Iu.* Prepodobnyi Maksim Grek v russkoi kul'ture poslednei chetverti XVI v. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2022. 272 s.

Алина Сергеевна Бодрова

доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alina Sergeevna Bodrova

Associate Professor, National Research University *Higher School of Economics*;
Senior Researcher, Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4048-1908

abodrova@hse.ru

**ЛИТЕРАТУРА И СЦЕНАРИИ ВЛАСТИ
АЛЕКСАНДРОВСКОЙ И НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХ****RUSSIAN LITERATURE AND THE SCENARIOS OF POWER
DURING THE REIGN OF ALEXANDER I AND NICHOLAS I**

[Рец. на:] *Киселева Л. Н.* Карамзинисты и архаисты. Статьи разных лет. Tartu: University of Tartu Press, 2023. 875 с.

[Review:] *Kiseleva L. N.* Karamzinisty i arkhaysty. Stat'i raznykh let. Tartu: University of Tartu Press, 2023. 875 s.